

*Аньес Ледиг мастерски находит удивительно
верные слова для обозначения всех горестей жизни.
Это великолепно!*

Femme actuelle

Аньес Ледиг
УХОДИ С НИМ

Азбука-бестселлер

Аньес Ледиг

Уходи с ним

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Ледиг А.

Уходи с ним / А. Ледиг — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-12366-3

Герои романов французской писательницы Аньес Ледиг вполне себе земные люди, только очень разные, а жизнь далеко не всегда к ним благосклонна. Персонажей ее новой книги «Уходи с ним» зовут Ромео и Джульетта, однако непохоже, чтобы судьба предназначила их друг другу. Она медсестра в реанимации, ее пациентам достаются внимание, нежность, забота – словом, все то, в чем отказывает ей человек, с которым она живет под одной крышей. А Джульетта ждет ребенка, и это для нее важнее всего на свете. Ромео – работает в пожарной части, незаметный герой хроники происшествий. Крепкий парень, впрочем недостаточно крепкий, чтобы выдержать падение с восьмого этажа. Встреча в реанимации не предвещает романтики: перевязки, уколы, капельницы. Но откуда-то пробивается робкая мелодия: «Что остается от любви?..» – спрашивает певец. Если что-то и остается от такой хрупкой штуки, как жизнь, то это любовь, уверена автор романа.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-12366-3

© Ледиг А., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

А дальше – темнота	7
Кто такая Жозиана?	9
Бархатный туман	11
Формула желания	12
Сознание без сознания	16
Между двумя макароны	18
Темнота-убежище	19
Кончиками пальцев	20
Фонарик	23
Его сестренка	24
Дерзкая хрупкость	26
Неузнаваемый	27
Полная беспомощность	30
Мастерица Дома Шанель	31
На вольном воздухе	34
Уже неплохо	37
Из-за пива	38
Надоело	39
Жертва	40
Размеренная жизнь	43
В кондитерской	44
Видеть, как она уходит	45
Пустая!	48
Ломка	50
Малу и людские напасти	51
Free hug	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Аньес Ледиг

Уходи с ним

© Р. Генкина, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эмманюэлю и моим детям, конечно же, моей дочери – в особенности.

Всем маленьким русалочкам... И тем мужчинам, чувствительным и нежным, которые умеют их по-настоящему любить

В самой глубине души, во мраке глубоких провалов, иногда можно обрести силу, чтобы бороться за свет.

Любовь без уважения – не любовь. Осознать это и броситься в бегство – это не поражение и даже не неудача, а большая, очень большая победа.

А дальше – темнота

Она на коленях умоляет нас спасти ее сына.

Я как на передовой, и выбора у меня нет, придется идти. Это даже не вопрос выбора, а вопрос чести, собственного достоинства. Потому я и выбрал эту профессию.

Речь идет о человеческой жизни, здесь, прямо сейчас, о жизни ребенка – ребенка этой самой женщины, ползающей по земле. Дальнейшие мои действия не подразумевают никаких колебаний.

Горящая квартира находится на восьмом этаже. До лестничной клетки не добраться. Мать в ужасе кричит, что ее сын там, наверху, один в квартире. Убежала в магазин, пока он спал, а вернувшись, уже застала у дома толпу, привлеченную густыми клубами черного дыма, ползущего из ее окон. Она молит нас, сложив руки на груди и раскачиваясь взад-вперед. Не знаю, то ли это признак временного помешательства, то ли попытка убаюкать себя в поисках недостижимого успокоения. А может, и то и другое. Это чернокожая женщина в бубу¹ под бесформенной кофтой с затрепанными обшлагами, которая расходится на огромном животе, предвещающем скорое появление на свет младенца; на ногах у нее резиновые шлепанцы, несмотря на нынешний холодный февраль. У меня крыша едет, когда я вижу, как она ползает в отчаянии на коленях.

Меня зовут Ромео Фуркад, мне двадцать пять лет, и я профессиональный пожарный. Старший сержант пожарного расчета. Работаю на машине противопожарной охраны, которую в обиходе называют «большой лестницей».

Во время операций я иду вперед, как солдат на фронте, стараясь продвинуться как можно дальше под градом снарядов. С яростью. Но и со страхом. Немного страха необходимо, чтобы остаться в живых.

– Сержант, спасательная операция извне средствами пожарного расчета, исполнять!

Исполняю. Забираюсь в люльку, пристегиваю карабин к специальному ремню на куртке за мгновение до того, как люлька отрывается от земли. Прилаживаю емкость со сжатым воздухом за плечи и маску на лицо. Ромео наших дней. Весьма практично, чтобы лазить по балконам.

Если б только я взбирался к своей Джульетте...

Как бы не так!

На долю секунды вспоминаю эсэмэску, которую получил утром от Карин. Она меня бросила.

«Я ухожу, больше тебя не люблю, мне жаль».

Она меня бросила, послав эсэмэску. Вот позорище! Ей жаль, хоть что-то. И все равно позорище! Но, нависая над пустотой, над настоящей пустотой, лицом к стене здания, я должен сосредоточиться. Там, наверху, малыш, а его мама умоляет меня на земле. Поэтому, отбросив прочие мысли, я приглядываюсь к окну, превратившемуся в дымоход. Добравшись до середины лестницы, я различаю голос, пробившийся через шум моего собственного дыхания, заполняющий маску. Он еще жив. Черные клубы, вырывающиеся из окна, дают представление о том, какой огонь бушует внутри. Я все сделаю, чтобы его спасти. Все.

Мне остается подняться еще на два метра. В наушнике мой шеф приказывает избегать неоправданного риска.

Ярость заглушает страх. Слышу только малыша, на остальное плевать.

Спасти малыша.

¹ Бубу – длинная широкая рубаха у народов Западной Африки. (Здесь и далее примеч. перев.)

В тот момент, когда я, отстегнув карабин, готовлюсь переступить через подоконник, в лицо мне ударяет опаляющая волна, отбрасывая меня в воздух.

А дальше – темнота.

Кто такая Жозиана?

Привязывать больных, чтобы они не вырывали трубки и капельницы, – мне это как ножом по сердцу.

Я провела добрую часть ночи, болтая с круглым лысым человечком восьмидесяти четырех лет. Или так, или рыдания. Уж лучше поговорить. Смена была спокойная, я могла себе это позволить. Что случается крайне редко. Иначе он был бы надежно прикручен к своей кровати, и так и лежал бы с тоской в глазах, а может, и с яростью.

Девочки из дневной смены передали, что утром с ним случилось легкое НМК², и с тех пор он, как заикленный, твердит одно и то же. Ночью он захотел подняться и уйти, несмотря на все зонды, соединяющие его с аппаратами. Он хотел увидеть Жозиану. Когда его спрашивали, кто такая Жозиана, он отвечал: «Ну, Жозиана – это Жозиана».

Пусть так.

Мы порылись в его истории болезни. Жену зовут Колет, дочь Сандрина. Никаких сестер. Вот ведь затык. Так я и ушла утром со смены, унося с собой таинственную Жозиану. Единственное, что могу сказать: когда я спросила, много ли значит для него эта Жозиана, его глаза, до того глядевшие куда-то в пустоту, покраснели, и две слезы прокатились совершенно параллельно по каждой щеке.

Я вернусь завтра вечером. Имея в виду его состояние, он наверняка никуда не денется, если только не умрет тем временем, за что я на него здорово разозлюсь. Подумайте только – уйти, не открыв мне свой секрет, так обойтись со мной, самой преданной и заботливой – нет, это было бы совсем некрасиво. Надеюсь, на мое следующее дежурство не придется какой-нибудь обвал, который заполнит все койки, а его не охватит необоримое желание отправиться искать Жозиану. Мне будет невыносимо его привязывать. А главное, я очень надеюсь, что он перестанет говорить о Жозиане, когда после обеда его придет навестить жена, иначе такое начнется...

Мне только что сделали первый укол в живот. Ну вот, мы и начали этот курс – возможно, благодаря ему мое тело согласится наконец принять ребенка, которого я так жду. Медикаментозно обеспеченное зачатие. Уколы, гормоны, пункции, анализы, побочные эффекты и неуверенность – не слишком романтический способ стать родителями. Но раз мое тело по-другому не желает, а голова так этого хочет... Я готова облететь вокруг света на воздушном шаре, чтобы стать матерью. Отправиться в стратосферу, переплыть моря и даже прожить год со свекровью. А это дорогого стоит.

Пойду спать – с маской на глазах и ушными затычками, чтобы не слышать уличного шума и хоть немного отдохнуть перед тем, как снова отправиться на работу. Меня выматывают эти нескончаемые дежурства, но начальство требует: у нас сейчас трое на больничном и двое в декрете, причем на замену им так никого и не взяли. Если слишком сильно натягивать веревку, рано или поздно она лопнет. У одной из наших в прошлом году случился срыв. Полгода отпуска. Разумеется, без замены. Тем тяжелее оказались эти полгода для остальных... И постоянная опасность эффекта домино, – пока мы его, по счастью, избежали, но сколько ж можно?

И все же я хочу сделать все, чтобы максимально повысить свои шансы. Не могу больше ждать, мне необходимо ощутить себя завершенной и цветущей. Я знаю, беременность даст мне это чувство. Ощущение себя цельной и наполненной жизнью – другой жизнью, не моей.

² НМК – нарушение мозгового кровообращения.

Мне нужно поспать...

Бархатный туман

Из темноты я переплываю в какой-то красноватый туман. Лиц я не различаю, но ощущаю тени и разговоры, распознаю голоса – особенно моего шефа, который говорит, чтобы я держался, терпел, скорая уже едет. Голоса словно приглушены туманом, в котором я блаженно плаваю. Шеф говорит, чтобы я не волновался.

А я и не волнуюсь. С какой стати мне волноваться?

Потом туман рассеивается.

Или это я исчезаю?

Не понимаю, что со мной случилось. У меня нигде не болит, но я не могу ни двигаться, ни разговаривать, у меня только одна рука, другая словно наполнилась воздухом. Я даже не уверен, что она еще на месте.

Смутно вспоминаю, что думал о Карин, забираясь по лестнице, и что шеф сказал мне: «Побереги свою задницу».

А больше – ничего.

Что до задницы, подумав хорошенько, понимаю, что я на ней лежу. Значит, она еще наличествует...

За остальное пока не ручаюсь.

Слышу другие голоса, незнакомые, и чувствую, что со мной что-то делают, разрезают одежду, кто-то нервничает, потому что разрезать не получается, и как раз перед тем, как потерять сознание, опять слышу малыша, который зовет где-то надо мной.

Формула желания

Лоран разбудил меня, бесцеремонно хлопнув дверью, когда вернулся с работы часов в шесть вечера. Впервые я так крепко заснула между двумя ночными сменами. Видимо, мне это было действительно нужно.

– Вечер добрый, милая. Ты еще спала?

– Да.

– На ужин ничего не приготовила?

– У меня не было времени.

– А так есть хочется.

– Прости. Я сейчас очень устаю.

– Я тоже. Руководить отделением банка не так уж просто, ты в курсе? Все эти бедняки, которые нас осаждают в надежде получить деньги... – ты потом просто как выжатый лимон. Но я это делаю ради тебя. Может, и ты ради меня что-то сделаешь, а?

Я пошла под душ. Не так уж он неправ. Он вкалывает изо всех сил. Я могла бы поставить будильник на пораньше. Но я сейчас так устаю. И потом, я действительно должна отдыхать, если хочу, чтобы все шансы оказались на моей стороне. Выйдя из ванной, я увидела его за компьютером, а на кухне еще конь не валялся. Он целыми днями сидит за компьютером у себя на работе, а придя домой, первым делом снова к нему кидается. Уму непостижимо.

Мне пора уходить. Хватаю что-нибудь погрызть и покидаю дом, поцеловав его в щеку под отсутствующим взглядом, устремленным на экран. В любом случае, когда он читает свои сообщения, ничего другого он не видит. Я знаю, что потом он несколько часов будет играть в стрелялки, чтобы немного расслабиться после нервного дня. Даже не уверена, что он вообще поест. Может, заглотнет какую-нибудь гадость в перерыве между партиями и на том успокоится. Что до меня, мне придется довольствоваться безвкусным блюдом, гарантированным на работе: натертая вялая морковь в пластиковом лотке, плавающая в стопроцентно фастфудном соусе, и два ломтика холодной свинины, похожей на подошву моих рабочих ботинок.

Этим вечером я отправляюсь на ночную смену не без интереса – меня ждет загадка Жозианы, – и к тому же с легкой душой: дежурить предстоит вместе с Гийомом, медбратом из нашей бригады. Он приятный, высокий и сильный, действительно сильный, что позволит провести спокойную ночь в темных коридорах отделения. Особенно после того, как в прошлом году на одну из наших медсестер напал наркоман, которому не хватило метадона.

В комнате отдыха Гийом вставляет дискету с Шарлем Трене³ в проигрыватель и, продолжая болтать, с высоты своих двадцати четырех лет и метра восьмидесяти пяти оглядывает всех нас, поглощающих бисквитные печенюшки, которые он испек днем. Он колебался между профессиями медбрата и кондитера. И сделал правильный выбор. Как для него самого, не знаю, но для его коллег это неоспоримо. Лучше печь пироги, будучи медбратом, чем лечить людей, будучи кондитером. А уж мне-то прямая выгода.

Первый вопрос, который я задаю коллегам на передаче смены, – тут ли еще мужчина, который искал Жозиану?

Он еще тут.

Мое любопытство вне опасности. Немного везения, и оно будет удовлетворено.

Он пришел в себя и больше не поминает никакую Жозиану.

Вот черт.

³ Шарль Трене (1913–2001) – французский певец и автор песен.

Ничего, я его допеку. Коллеги не всегда понимают, почему я трачу время на подобные мелочи, но пациент мне интересен во всех своих проявлениях. Мы лечим тело, в котором обретается душа. Если ее мучают какие-то мысли, как можно помочь телу?

Зато он больше не пытается выпрыгнуть из кровати, и это скорее добрый знак. Нам не придется его привязывать. Ночью привезли тяжелый случай. Молодой парень двадцати пяти лет в паршивом состоянии. Пожарный при исполнении, падение с восьмого этажа. Сейчас они пытаются в операционной спасти его руку. Бокс готов, мы его ждем. Теперь все зависит от сноровки хирургов. Иногда им удается сотворить чудо. Там в бригаде есть один такой, доктор Мерлин. Настоящий маг и волшебник. Если сегодня оперирует он, пациент может выпутаться и остаться с обеими руками. Однажды за кофе этот самый Мерлин рассказал, что ребенком увлекался моделированием, целыми днями собирая из крошечных деталей самолетики, и ни разу не сдался, пока те не начинали летать. Наверно, происходящее в операционной он тоже воспринимает как личный вызов. Медсестры, которые работают с ним, говорят, что лучше сходить пописать до того, как он приступит к делу, потому что, включившись, он не смотрит на часы и требует, чтобы бригада в полном составе ежесекундно была под рукой, – не ждать же ему, если потребуется инструмент.

Поскольку новый пациент еще не доставлен, я присаживаюсь около маленького столика и спрашиваю, удалось ли ему повидать Жозиану.

– Нет конечно.

– Почему «конечно»?

– Она ж умерла.

– А кто была Жозиана?

Он на мгновение возводит глаза к небу, будто размышляя.

– На потолке сыр, – говорит он несколько секунд спустя.

– Правда?

– Да, надо убавить отопление, а то он растает.

– Сейчас сделаю.

Я выхожу из палаты, говоря себе, что загадку Жозианы разрешить мне не суждено. В реанимации мы к такому привыкли. От мощных болеутоляющих они иногда розовых слонов видят. И все равно, прошлой ночью у него текли слезы. Что ж, пусть так: он унесет с собой Жозиану, которая останется его личной собственностью.

Если он раньше здесь не спечется. Действительно, пойду убавлю отопление.

Когда я захожу в комнату отдыха, мой коллега напевает «Что остается от нашей любви»⁴. Он достал металлическую коробку и объявляет, завидев меня:

– Я попробовал сделать макарони⁵.

– Шутишь?

– Нет, а что?

– А то, что я их обожаю. С каким вкусом?

– Малиновым.

– Сколько смен я должна за тебя оттрубить?

– Чего?

– Ну, должен же ты что-нибудь с меня получить за такое удовольствие, а раз уж ты младше меня на двенадцать лет, вряд ли это будет иметь отношение к моему телу.

– Не считая запретов, налагаемых законом, возраст не является элементом уравнения, описывающего телесную привлекательность.

– И как оно выглядит, это уравнение?

⁴ Строчка из песни Шарля Трене.

⁵ *Макарони* – французское печенье из взбитых белков, сахара, миндаля и различных добавок.

$$\frac{\text{Воображение} + \text{вибрация} + \left(\times \frac{\text{воздержание}}{\text{желание}} \right)^2 - \frac{\text{чувство вины}}{\text{эмоциональная культура} + \sqrt{\text{страх невзаимности}}} = \text{желание}$$

- Целая программа. А где здесь кондитерские изделия?
- Кондитерским изделиям нет места в уравнении желания, но они весьма полезны на этапе реализации.
- Желание + кондитерские изделия = переход к действию?
- Кроме как с тобой, – заявляет Гийом с раздосадованным видом, и секунду спустя добавляет: – Я шучу, Я ШУЧУ! Просто хотел доставить тебе удовольствие. Кстати, жаль, что ты скоро от нас уходишь.
- Я просто поднимусь на несколько этажей, в травматологию. Все равно по соседству.
- Да, но вместе мы работать уже не будем.
- Увидимся, когда будем обмениваться пациентами.
- Девочки из операционной звонили. Он будет через час.
- Есть время распробовать парочку твоих макарони...
- Как дела у пациента из третьей?
- Видит сыр на потолке.
- Неудивительно. С тех пор, как они установили эти накладные потолки с дырчатыми плитками, пациенты чего только в них не видели.
- И я так никогда и не узнаю, кто такая Жозиана.
- Это так уж важно?
- Нет.

Поклонник Жозианы спит как младенец. Гийом занял пост у лифта, чтобы придержать двери санитарам с носилками. Я жду в коридоре. И продолжаю думать о том, что он сказал мне о несущественности разницы в возрасте, когда речь идет о телесном притяжении. Умеет он бросить пару важных фраз в тот момент, когда у него есть возможность смыться и оставить адресата самому разбираться с их значением.

Некоторое время я пребываю в замешательстве. Гийом – замечательный парень.

Раненый в паршивом состоянии, но обе руки при нем. Доктор Мерлин в очередной раз умудрился починить одну из своих моделек. Вот только эта полетела еще до того, как он ее построил.

Ну вот, помяни черта...

Хирург приближается к нам; маска болтается на шее, операционная шапочка все еще на голове. Он нервно размахивает руками, указывая на пациента, и наконец наставляет на него палец.

– За этим будете следить, как за молоком на огне, не для того я столько времени корпел над его рукой, чтобы через три недели ампутировать ее из-за какой-нибудь дурацкой инфекции.

– Сложно было? – спрашивает Гийом.

– Думаю, это мой самый удачный случай. Если рука уцелеет, я отгрохаю такую статью в американский журнал по травматологии, – отвечает Мерлин с улыбкой истинного хирурга.

Того, который первый после Бога.

Затем выдает нам указания по обезболивающим и торопливо отправляется спать в надежде, что никакой срочный случай не вырвет его из снов о летающих моделях.

Молодой человек, лежащий на кровати, действительно выглядит как пожарный. Коротко стриженные волосы и широкие плечи, мускулистое тело, квадратное лицо, которое угадывается под повязками, скрывающими открытые раны, под ушибами и отеками. Мне всегда не по себе, когда пациентами оказываются пожарные с множественными травмами, пострадавшие при выполнении служебных обязанностей. Ведь они должны спасать другую жизнь, подвергая опасности собственную. Многие ли из нас на такое способны?

Не знаю, есть ли у него в жизни своя Жозиана, но уверена, что отсюда он выберется не скоро. Сажусь рядом, кладу на колени его историю болезни и пытаюсь вчитаться.

Ромео Фуркад. Не самое распространенное имя. Оно вызывает у меня улыбку. И не случайно.

Двадцать пять лет. Какой молодой...

Доверенное лицо⁶: месье Клейн, капитан бригады пожарных. Наверно, это тот самый, что приехал на «скорой» вместе с ним. Странно, что не кто-нибудь из родственников. Никто другой в истории болезни не упомянут. Естественно, при таком срочном приеме указывается только самое необходимое.

Список повреждений просто головокружительный. Я его до конца так и не прочла. Наше дело – следить, чтобы он был стабилен оставшуюся часть ночи. Я откладываю папку и смотрю на него. Не все выходят отсюда. Что до него, угроза жизни вроде бы миновала, но опыт научил меня не праздновать победу слишком рано.

⁶ В данном случае: представитель физического лица, который действует от имени и по поручению представляемого лица.

Сознание без сознания

Я обретаюсь в непонятной среде, переходя из мрака в туман. Когда я в тумане, мне чудовищно больно. Я чувствую чье-то присутствие рядом. Может, запах духов. Может, шелест переворачиваемых страниц, если только это не звук дыхания. Не знаю, только чувствую, не умея определить. А потом, когда боль становится слишком сильной, я погружаюсь во тьму. В конце концов я укрываюсь в этой тьме.

Хотелось бы открыть глаза, но я не могу. Двинуться тем более. Такое ощущение, что функционируют только уши и еще кой-какие нейроны. И еще рецепторы, воспринимающие боль. Вот они в полной форме.

Я снова ныряю в темноту, с облегчением покидая мучительный туман.

Дорогой Ты,

мой лак на ногтях только что подсох. Так что могу тебе писать в ожидании, пока на ногах тоже высохнет. Эти пластиковые распялки, которые мне одолжила Шарлотта, чтобы раздвинуть пальцы, делают очень больно. Говорят, красота требует жертв. Ладно, вот я и жертвую. Мой брат уехал на сорок восемь часов, и завтра я увижу Рафаэля. Он кайфует, когда я стараюсь выглядеть более женственно. А брат говорит, что мне еще рано, в смысле косметики, и что не стоит заводить парней. А в коллеже они и так заведенные. Стоит им глаза продрать, и они уже в боевой стойке, так что когда они видят проходящую мимо девчонку с накрашенными глазами и синим лаком на ногтях, это ничего не меняет. Я все смою к его возвращению завтра вечером.

Сегодня утром после трех неудачных попыток взять меня стоя, прижав к стене в туалете коллежа, этот хлюпик Дилан в конце концов повернул меня задом. Моя голова оказалась прямо над унитазом. Вообще-то даже удобно, если вдруг блевать потянет. Но такого не случилось, я умею держаться, усек? А еще ему пришлось трижды натягивать презик, тот все время соскальзывал – настолько его глаза завидующие переоценили собственное хозяйство, когда он выбирал размер в супермаркете. Он останавливался всякий раз, когда кто-то из девчонок заходил в туалет. Мы замирали, не осмеливаясь даже дышать, пока она писала, а то и опорожняла кишечник в полной уверенности, что совершенно одна в помещении. А потом Дилан продолжал, как ни в чем не бывало, совершенно механически. Я прям выдохнула от облегчения, когда у него наконец получилось. А что, мне больше делать нечего, кроме как дожидаться, пока он со скрипом кончит. Мне еще задание по физике надо сдать. Последний звончок перед прощальным гудком. Так называют временное исключение.

С Диланом это было в первый и последний раз, он мне даже спасибо не сказал. Что за дела, надо же и совесть иметь: я, конечно, готова пойти навстречу, я вообще симпатная, но хоть поблагодари, чтоб тебя!

Сегодня вечером вкалывать неохота. От всех этих историй с географиями просто в сон тянет. На фиг мне знать ВВП Японии и что где происходило в XVI веке? На крайняк пусть рассказывают о Второй мировой, как дедуля, потому что это отвратно, что там было, и нужно, чтобы следующие поколения ничего такого не делали. Это я готова выучить к следующему опросу. А завтра контрольная по обществознанию, сделаю, что смогу со своими хилыми обрывками воспоминаний. Терпеть не могу эту училку. Полный тормоз, никогда не улыбнется. Можно подумать, она нас боится. На самом деле, так и есть, она нас боится.

Нет, сегодня вечером – перекус перед теликом. Чипсы, кока, колбаса, сыр Бэбибель, а на десерт, может, возьму все-таки йогурт без сахара, ну, чтоб как-то сбалансировать. И

«Анатомия страсти». Эти интерны просто классные, и куча всяких смешных ситуаций. У американцев это всегда круто получается.

Странно, в это время брат обычно уже звонит. Наверно, много работы.

Ну вот, мой Ты, покидаю тебя, сейчас начнется, и ногти на ногах уже высохли. Я так рада, что Ты есть.

Чмоки.

Между двумя макарони

Жозианофил спит как дитя, а пожарник так и не шелохнулся. Он стабилен. Мы дегустируем вторую порцию макарони с клубничным вкусом, которые принесли сюда и поставили на стол, чтобы оставаться рядом с пациентами, в окружении плавающих приборов и экранов.

«Как молоко на огне» – так он выразился, Мерлин-чародей.

– Ну и как?

– Чистый отпад – вот что такое твои макарони.

– Я спрашивал о пожарнике. Ты уже четверть часа глаз с него не спускаешь.

– Я просматривала его бумаги.

– А я смотрел, как ты просматривала, – в его бумаги ты не смотрела.

– Я переживаю за него. Надеюсь, он выкарабкается без особых увечий.

– Ты все принимаешь слишком близко к сердцу.

– Может быть. Но он так молод.

– И спортивен. Он прекрасно оправится. А наше дело – чтоб его рука не воспалилась и ее действительно не отрезали. Остальное приложится. На большую лестницу он не скоро полезет, это точно.

– Ты придумал особый рецепт? – спрашиваю я с набитым ртом, смакуя новый макарони.

– Чтобы рука не воспалилась? Дезинфицировать раны, мыть руки, избегать сквозняков и заставить всех носить маски.

– Я сейчас говорила о макарони.

Темнота-убежище

В тумане я слышу разговор. Один голос мужской, другой женский. Искренний смех и слова, но я не понимаю, что они говорят. Они далеко.

Мне больно. Мне больно везде. Особенно болит рука. Недавно я чувствовал, что ее будто воздухом надули, а теперь такое ощущение, будто ее выворачивают во все стороны или что по ней гуляет цирковой слон. Внизу спины тоже болит, и ноги. Еще болит челюсть и голова. На самом деле слон просто на меня лег. А еще у меня такое впечатление, что я проглотил коку вместе с банкой, и она так и застряла у меня в пищеводе.

Я знаю, что нахожусь в больнице. Узнаю звуки аппаратов, манжет для измерения давления, который время от времени сжимается. Значит, меня интубировали.

Иногда я чувствую вокруг себя какое-то движение, меня осторожно перемещают, на кожу снова крепится провод. Все – боль, даже малейшее прикосновение. Даже провод.

И тогда я снова погружаюсь в темноту-убежище.

Кончиками пальцев

Шесть утра. Сменщики придут через полчаса. Мы съели все макарони. Пусть весы завтра покажут лишний килограмм, мне плевать, зато какое объеденье. Молодой пожарный ближе к утру много раз начинал задыхаться, заставляя нас менять содержание кислорода в дыхательном аппарате. Не так уж он стабилен. Девочкам из дневной смены тоже придется бдеть над молоком.

А еще над температурой, чтобы сыр несколькими метрами дальше не превратился в савойское фондю⁷.

Я сижу около него. Гийом отправился в приемный покой за бумагами.

Он неподвижен. Грудь регулярно приподнимается – в ритме работы дыхательного аппарата. А потом я вижу движение указательного пальца. Он повторяет несколько раз один и тот же жест. Его палец дрожит, с трудом передвигаясь по простыне, но в конце концов я понимаю, что он рисует вопросительный знак. Ему необходимо знать, что происходит.

– Вы меня слышите? Если слышите, стукните два раза указательным пальцем по кровати.

Указательный палец шевельнулся дважды.

– Два раза означает «да», один раз означает «нет».

– ...

– Меня зовут Джульетта Толедано. Я медсестра в реанимации. Вы можете открыть глаза?

(нет)

– Вам больно?

(да)

– Вы знаете, кто вы?

(да)

– Вы знаете, что случилось?

(нет)

– Хотите узнать?

(да)

– Хорошо. Вы упали с восьмого этажа. А остались живы только потому, что падение смягчили деревья, но их ветви здорово вас покалечили. Не буду вдаваться в детали, но некоторое время вам придется лечиться. Вы поняли?

(да)

– Надо кого-нибудь известить?

(да)

– Ваших родителей?

(нет)

– Жену?

(нет)

– Друга?

(нет)

– М-м... брата или сестру?

(да)

– Я этим займусь.

⁷ Фондю – блюдо из расплавленного сыра.

Дневная смена ждет меня для передачи дел. Я еще некоторое время подержала его руку, потом отпустила. Он слегка сжал мои пальцы.

Мне стало лучше.

Лучше стало нам обоим, я думаю.

Гийом прав, я все принимаю слишком близко к сердцу.

Возможно.

Точно.

Ну и что?

Уж никак не в свои тридцать пять лет я вдруг стану бесчувственной. Гийом начал описывать истории болезни. У нас всего два пациента на четырех койках. Дневные сестры уже знакомы со старичком и с его сыром. Я продолжаю, переходя к пожарному. Обстоятельства происшедшего, детали операции, указания хирурга, установление контакта, которое я только что осуществила. Делаю великодушное предложение: прежде чем отправиться домой, я сама найду человека, которого надо предупредить. Наконец добавляю, что макароны были супер, но их не осталось. Вся бригада бьется насмерть, чтобы попасть в ночную смену с нашим кондитером, а наутро счастливая избранница хвастается, с чем ей повезло на этот раз. Такая маленькая игра между своими.

Можно подумать, что нас только пирожные и занимают.

Я беру стикер, записываю телефон доверенного лица и удаляюсь в комнату персонала. Время у меня есть, Лоран давно ушел на работу.

– Капитан Клейн?

– Да.

– Здравствуйте, меня зовут Джульетта Толедано, я медсестра из реанимации. Я звоню по поводу Ромео Фуркада.

– Как он?

– Ничего. Скорее стабилен.

– А его рука?

– Прооперирована.

– Они ее не ампутировали?

– Нет. Хотя полной уверенности еще нет, мы внимательно следим. Опасность не миновала, но пока порядок.

– Он в сознании? Может говорить?

– Нет, тем более, что он на интубации. Но мне только что удалось установить с ним контакт. Он ненадолго приходит в себя. И шевелит пальцем. Он хотел бы, чтобы я известила его брата или сестру.

– Черт, мать твою, сестра!!! Я совершенно забыл про Ванессу.

– Забыли?

– Он ее опекун, она несовершеннолетняя. Я заеду за ней в коллеж после занятий.

– Спасибо.

– Когда мы можем навестить его?

– Лучше во второй половине дня. С утра обход и процедуры.

– До какого часа вечером?

– Теоретически до восьми. На самом деле мы особо не придираемся, если смена спокойная.

– Могу я задать вам вопрос?

– Да.

– Как он умудрился сказать вам о сестре одним пальцем?

– Шестое чувство медработника...

Когда он желал мне доброго дня, я слышала, как он улыбается. Я чуть было не ляпнула, что весь день с удовольствием бы проспала, потому что мне предстоит дежурство третьей ночью подряд, но, в сущности, это не его проблема.

Моя дневная программа проста. Вернуться, залезть под душ, съесть чего-нибудь, сделать себе укол и отдохнуть. Я люблю работать ночью, но вот тело убедить сложнее. Когда мне было двадцать два, оно легче переносило сдвиги во времени. Но с годами становится все труднее.

Перед уходом я возвращаюсь к своему пациенту в надежде, что он меня опять услышит. Мне хотелось бы сказать ему, что я поговорила с капитаном по телефону и что он привезет его сестренку. Думаю, для него это важно.

Я никогда не была на месте пациентов, но проведя столько время рядом, я научилась чувствовать, что для них означает оказаться здесь, со всеми страхами и болью, в совершенно незнакомом месте, одним. И если я могу их успокоить...

Фонарик

Я продолжаю чередовать темноту-убежище и туман-мучение. Особенно когда ко мне прикасаются. Я почувствовал, как моя кровать двинулась. Медленно покатилась, завернула, въехала в лифт, снова покатилась. Я попытался пошевелить указательным пальцем, но никто этого не заметил. Надеюсь, что медсестра, которая недавно была рядом, скоро вернется.

А главное, мне хочется, чтобы Ванесса была рядом. Она единственная, чье присутствие принесло бы мне облегчение. Мой фонарик в тумане.

Его сестренка

Третья ночь подряд, от такой работы мы все передохнем. И ни одного лишнего человека на замену, чтобы можно было хоть надеяться на маленькую передышку. В больнице настоящий кризис. И этот кризис скоро скажется на нервах персонала. К счастью, я опять дежурю с Гийомом. Его тоже мне будет не хватать, когда я сменю отделение. Он молодой, но ответственный и знающий. Властный, но мягкий. И не слишком чувствительный. Ровно настолько нужно.

Мужчины редко бывают чувствительными ровно настолько нужно.

Мне не терпится узнать, что он приготовил нам на этот раз и что мы будем смаковать на уголке рабочего стола, запивая крепким кофе, чтобы продержаться до утра.

И мне не терпится узнать, как дела у молодого пожарного.

Гийом, как всегда, поджидает, пока уйдет дневная смена, чтобы сласти свои достать. И речи быть не может, чтобы все участвовали в дегустации. Вот такой он, Гийом. Его это забавляет – чего он не собирается скрывать.

Жозианин старичок отправился в кардиологию, они наконец-то нашли для него место. Его сменил новый пациент. К счастью, не такой тяжелый, как наш пожарник.

Дневная смена предупреждает, что его сестренка еще там. Вот уже третий час сидит рядом и смотрит на него, не говоря ни слова. Только едва заметное со спины движение плеч показывает, что она дышит. Едва заметное.

Когда я захожу в палату, она действительно сидит неподвижно на стуле и молча на него смотрит. Чуть сгорбившись, словно все беды мира давят на ее хрупкие плечи подростка. Или же будто она оказалась в слишком быстро выросшем теле и теперь старается задержаться в детстве, сжавшись в комочек. Сидит она спиной к двери. У ног – рюкзачок фирмы «Eastpak» с тремя плюшевыми брелоками, по одному на каждую молнию; они должны побрякивать, когда она идет по улице. Наверно, это тоже ее успокаивает, отсылая обратно в детство. Ей лет четырнадцать.

– Добрый вечер. Вы Ванесса?

– Да, – откликается она, оборачиваясь, но не выказывая никаких чувств.

Волосы средней длины, большая челка падает на глаза, густо подведенные черным. Она очень тоненькая, и ноги кажутся двумя спичками. В ушах длинные металлические серьги, а на каждом запястье куча бразильских браслетов.

– Вы приехали одна?

– Нет, его начальник приехал за мной в коллеж после занятий. Он в коридоре.

– Он объяснил вам, что произошло?

– Да.

– Вы знаете, что именно случилось с братом?

– Нет.

– Я вам все объясню до того, как вы уйдете. Вы говорили с ним? Обняли, поддержали за руку?

Она отрицательно покачала головой, медленно, не отрывая глаз от брата.

Он казался спокойнее, чем вчера. Я взяла его за руку, сказала, что это я. Что я та, кто была с ним в предыдущую ночь. Он сжал мне руку чуть сильнее, чем накануне.

– Хотите пообщаться со мной?

(да)

– Знаете, кто это рядом с вами?

(да)

– Хотите, чтобы она взяла вас за руку?

(да) (да) (да)

Он непрерывно ударяет пальцем по простыне. Я предлагаю сестре встать по мою сторону кровати, у действующей руки. Но в тот момент, когда я собираюсь направить ее пальцы, она прячет руку за спину.

– Вы не хотите?

– Я... я... ну, я вчера накрасила ногти лаком. Он не хочет, чтобы я это делала, так я крашу, когда он на службе, и смываю перед его возвращением. Вот только его шеф приехал за мной сразу после уроков, и я не успела.

– Теперь-то, я думаю, он все равно вас услышал.

– А он все слышит?

– С большой вероятностью.

Он снова постучал пальцами по матрасу.

– И потом, мне кажется, что в его теперешнем положении он не обратит на это особого внимания. Он едва не умер, так что лак на ногтях наверняка не главная его забота, – сказала я ей, слегка подмигнув.

Дрожа, очень нерешительно она протянула свою руку к руке брата. Он сжал ее и застыл надолго. Я вовремя загнала обратно несколько слезинок, которые при виде этой сцены от волнения готовы были ринуться в пустоту.

– Я вас оставлю, буду в кабинете, вон там. Если захотите с ним пообщаться, задавайте ему закрытые вопросы.

– Закрытые?

– Такие, на которые он может ответить только «да» или «нет». Кстати, два удара пальцем о матрас означают «да», а если «нет» – он ударяет один раз. Только не торопите его, он сейчас немного замедленный.

Я покидаю бокс и оправляюсь в кабинет, к неиссякаемому источнику кофе. Другой пациент мирно спит. Ночь будет спокойной, если ничего не случится.

Гийом улыбается мне, когда я захожу. Своей ангельской улыбкой, от которой медсестры просто тают. Первый парень в команде, на которого заглядываются все незамужние. И некоторые замужние тоже, кстати, но тайком, как бы не всерьез, ведь так приятно чувствовать себя привлекательной и желанной в глазах другого. О студентках я уже не говорю. Все как одна горько сожалеют, что такой обаятельный мужчина не обращает внимания ни на одну из них, и хором утверждают, что это чистое расточительство: этакое добро зазря пропадает. Некоторые выдвигали предположение, что он гей, но гипотезу тут же отвергли как несовместимую с их страстным желанием.

Мне смешно смотреть, как они пускают слюни. Он очаровательный парень, но меня не привлекает. С Лораном мы знакомы пять лет, и я ему верна. К тому же ему было бы слишком больно узнать, что я была в объятиях другого. Но я действительно очень люблю Гийома. Он знает мою историю, путь, который я прошла, и на что мы сейчас решились с Лораном. Он меня поддерживает. Успокаивает, иногда сердится, когда я рассказываю про домашние ссоры. Уж больно я мягкая, по его словам.

Возможно.

Но всего и он не знает.

Дерзкая хрупкость

Рука Ванессы в моей – самое нежное чувство, которое я когда-либо испытывал. Я брал ее за руку, чтобы перевести через улицу перед школой. Я был старшим братом. А теперь старшей становится она, сестра, потому что я не знаю, в каком я состоянии, умру или буду жить, вернусь к прежней жизни или буду как овощ. Я даже не знаю, цел ли я еще или каких-то кусков не хватает. Означает ли боль существование того, что болит? Может, все четыре конечности, которые я ощущаю, – фантомы, и на самом деле их нет. Человек-обрубок. Без ничего. Нет, с указательным пальцем. А если остался указательный палец, значит есть и рука. Значит, человек-обрубок с одной веткой. Птички могут на нее садиться, хоть составят мне компанию.

Я не помню имени этой медсестры. Я вообще мало что помню. Только что я серьезно травмирован. Но до какой степени серьезно? На данный момент я слышу только мягкий голос этой женщины и шум аппаратов вокруг. И еще ощущаю прикосновение Ванессы. Я слышал их разговор. Медсестра объяснила ей, как со мной общаться. Но она все равно ничего мне не говорит. А я так хотел бы ответить ей «да» или «нет» своим пресловутым пальцем на простыне.

Она могла бы спросить меня: «Ты рад, что я здесь?»

ДА.

«Ты не оставишь меня?»

НЕТ.

«Ты умрешь?»

НЕТ.

«Я могу красить ногти лаком?»

ДА.

Она ничего не говорит.

Ванесса.

Резкая и робкая, строптивая и неуверенная. Она ничего не боится и боится всего. Она хорохорится дома, перед учителями и социальным работником – но только чтобы надежней укрыться в глубине своих внутренних разломов. Ванесса, дерзкая хрупкость.

Я не имею права умирать. Не раньше, чем ей исполнится восемнадцать. А до того это было бы трусостью и гадостью. Я не могу так с ней поступить. Исключено! И потому я цепляюсь, пусть даже мне больно. Ужасно больно. Но ей будет еще больнее, если я уйду. Я это знаю. Мы с ней вечно ссоримся, она мне устраивает небо в алмазах, но я знаю, что она привязана ко мне. А я, соответственно, к ней.

Она ничего не говорит.

Может, просто не знает, что сказать.

А что тут скажешь?

С этого, наверно, и начинается молчание.

Мне удастся пошевелить большим пальцем под ее ладонью. Чуть-чуть. Обычно ей щекотно, и она отдергивает руку. Однако сейчас она руку оставляет.

А потом, от усталости или от боли, я вновь погружаюсь в туман. Я так и не смог сказать ей «спокойной ночи», как каждый вечер.

Неузнаваемый

– Он больше не шевелится.

Я подскочила, услышав голос Ванессы. Не заметила, как она вошла. Я задремала, сидя в кресле. С улыбкой – хотелось бы верить, успокоительной – я ответила, что он заснул.

– А долго он будет спать? – спросила она.

– Несколько часов. Может, ночью ненадолго проснется.

– Я спрашиваю про день.

– Нет, врачи скоро уменьшат дозу седативных препаратов.

– Седативных?

– Такие лекарства, чтобы он спал, из-за боли.

– Ему больно?

– Возможно. Лучше он сам скажет, когда придет в себя.

– А он правда очнется?

– Мы все сделаем, чтобы очнулся.

– Я смогу еще прийти?

– Конечно. Хотите макарони? – спросила я, протягивая ей коробку.

– Нет, спасибо, я не хочу есть. И потом, его шеф ждет меня.

– А ваши родители не приехали?

– У нас нет родителей. Обо мне заботится Ромео, – она немного помолчала. – Он сможет снова ходить?

– Слишком рано об этом говорить. Не торопитесь, ему предстоит еще долго лежать, знаете ли. Придется вам как-то устроиваться, он не скоро вернется домой. У вас уже есть какие-то варианты?

– Что-нибудь придумаю. Но я имела в виду, с ним все очень серьезно?

– Да. Не стану вас обманывать, что это пустяки. Это серьезно, но могло обернуться куда хуже.

– Он действительно мог умереть?

– Упав с восьмого этажа? Конечно. Его спасли деревья.

– Но, м-м-м, он сейчас такой... вообще ни на что не похож. Это тоже пройдет?

– Да, отек спадает, кожа заживает, кровоподтеки рассасываются, лицо становится розовым. Конечно, останутся несколько шрамов, но черты лица не изменятся. У вас есть его фотография?

– Да, в тетради для домашних заданий.

– Если вы не против, мне бы хотелось взглянуть.

– Только верните.

– Разумеется.

Она роется в своем плохо уложенном рюкзаке, открывает тетрадь, достает фотографию и, поджав губы, дрожащими руками протягивает ее мне. Она тоже старается, как может, сдерживать чувства.

Я внимательно вглядываюсь в изображение. И верно, его невозможно узнать. Я понимаю смятение девочки. Он прижимает ее к себе, обвив руками, оба улыбаются фотографу. Он не очень высокий, но крепкий и мускулистый, он внушает доверие. Сестра выглядит такой хрупкой в его объятиях. У него широкий лоб, большие глаза, едва заметные брови. Малышом он наверняка был блондином. Квадратная челюсть и невероятно широкая шея. Очень короткие, по-военному подстриженные волосы. У него чудесная улыбка. Чувствуется, что на этой фотографии он счастлив. Тем разительнее для меня контраст.

– Обещаю, что он станет совершенно таким же, – с уверенностью говорю я.

Никакой уверенности я не испытываю, но можно же слегка подправить действительность, когда она слишком неприглядна. И потом, кто знает, может, он и впрямь вновь обретет те же черты, что на фотографии. Пусть лучше сестра цепляется за эту надежду, чем впадает в тоску, представляя себе нечто обратное.

– Чем ему можно помочь?

– В моих силах только выполнять свою работу как можно лучше. А вы будьте рядом, чтобы подбадривать его. Ему сейчас нелегко.

– Когда я могу снова прийти?

– Когда захотите.

– Разве у вас нет расписания?

– Не для вас.

А потом она уходит, не добавив ни слова, так же бесшумно, как появилась в кабинете, так же молча, как сидела рядом с братом. Кажется, что, перемещаясь, она не касается земли. Не знаю, то ли у этой девочки такой сдержанный характер, то ли она в состоянии шока, но она идет вдоль стен, словно боится потерять опору и упасть. Мне делается не по себе.

Гийом тоже наблюдал за ее неуверенной походкой, прежде чем взглянуть нам в глаза – мне и моей растерянности.

– Что еще ты можешь поделать? Он же не по твоей вине разбился.

– И все равно у меня тяжело на душе.

– Твоя тяжесть на душе ничего не изменит.

– Она совсем юная, и кроме него у нее никого нет.

– Так заведи ее к себе.

– Ты же знаешь Лорана!

– У тебя есть другие предложения?

– Думаю, у кого-нибудь такие предложения есть.

– Значит, дальнейшее от тебя не зависит. Ну и хватит переживать. Что до ее брата, делай свое дело, а волнения побереги для чего-нибудь позитивного, самоедство до добра не доводит.

– Ты прав.

– Я всегда прав.

Оставляю его в этой убежденности, но Гийом набит противоречиями. Ему нравится думать, будто он всегда прав и следует верной дорогой. Даже если эта дорога не всегда ведет туда, куда он хочет, он, по крайней мере, продвигается вперед.

Дорогой Ты,

ты лежал среди всяких вещей, которые я запихала в рюкзак, прежде чем выйти из квартиры. Как хорошо, что ты здесь, иначе мне было бы слишком одиноко сегодня вечером. Я позвонила Шарлотте, но чем она может помочь, кроме как сказать, чтоб я звонила в любое время, если она мне понадобится.

Черт! Дерьмо! Мой брат! Я знаю, что это он, потому что видела татуировку у него на плече. Большое V и три маленьких цветочка вокруг. Он ее сделал два года назад, когда мы поругались и я начала в нем сомневаться, боялась, что он уйдет и забудет меня. Но если б не тату... Мне могли б подсунуть кого угодно. «Здравствуйте, мадемуазель, вот ваш брат», вот что они могли бы сказать, усаживая рядом с перебинтованной мумией.

Да здравствуют татуировки!

Может, после всей этой истории он согласится, чтоб и я себе сделала. А что, ведь правда, это может оказать полезным, если в один прекрасный день я окажусь в таком же состоянии.

Его шеф, которого я вижу раз в год на праздновании Рождества в пожарной части, ждал меня у входа в коллеж. Моих подружек очень заинтересовало, что происходит. Я получила как минимум дюжину эсэмэс, пока он объяснял мне, что везет меня в больницу, потому что с Ромео произошел несчастный случай. Поэтому он вчера вечером и не позвонил. Пока мой брат был в больнице между жизнью и смертью, я спокойно лопала чипсы и смотрела «Анатомию страсти». Вот козлы, могли бы и позвонить. Ну вообще-то, зря я на них злюсь, им там было чем заняться, в больнице, кроме как меня предупреждать.

Месье Клейн ничего нового мне про Ромео не сказал. Он сам его больше не видел после происшествия. Пока мы ехали в больницу, он объяснил, что теперь я проживу у них дома, пока Ромео не встанет на ноги, иначе меня отправят в приют.

В любом случае я бы туда не поехала. Лучше сдохнуть!

Когда мы оказались в реанимации, мне захотелось бежать оттуда со всех ног. Очень странный запах, пиканье со всех сторон и больные, которые лежат не шевелясь на своих койках. Я пошла за медсестрой, и когда она подвела меня к брату, мне захотелось плакать, но слез не было. Три тыщи разных вещей пронеслись у меня в голове в одну секунду. Но только одна возвращалась все время. А вдруг он умрет? А вдруг он умрет?

Я-то что буду делать, если он умрет? Я умру вместе с ним!!! А зачем тогда вообще оставаться? Чтобы отправиться в эти паршивые приюты, где надо слушаться людей, которые тебя не любят?

Я осталась рядом с ним и ничего не сказала. Я только изо всех сил думала, что он должен жить. Я сказала себе, что, если буду думать только об этом и ни о чем другом, он обязательно услышит.

Может, он хотел, чтобы я с ним поговорила, а я могла сказать ему только одно:

«Делай, что хочешь, только не умирай».

Полная беспомощность

Все мало-помалу возвращается. Кое-какие картинки, которые я связываю с обрывками информации, подхваченными то здесь, то там, и все в конце концов складывается в определенную форму, а я начинаю по-настоящему понимать. Я вспоминаю огонь, малыша, его крик, который я слышал наверху, темноту и людей, суесящихся вокруг меня. Падение с восьмого этажа, смягченное деревьями, которые раздробили меня на тысячу кусков.

И я совершенно беспомощен.

Я осознаю, как мне повезло, что я еще жив. Но задаюсь вопросом, такое ли уж это в сущности везение, учитывая состояние, в котором я сейчас, как предполагаю, нахожусь. Я должен быть сильным. Даже если я совершенно беспомощен. По крайней мере, я контролирую свою волю к жизни. Ради Ванессы.

Я даже не знаю, где она. Спит ли одна дома или кто-то позаботился о ней, приезжали ли к ней социальные службы. И злится ли она на меня за то, что я ее так бросил.

А еще я не знаю, погиб ли малыш из-за того, что я так неудачно упал. И не знаю, почему я упал.

Мое сознание, как сыр грийер, с большими дырками и с вопросами, на которые нет ответа.

Хорошо бы мне все объяснили.

За меня делают буквально все. Даже то, что человек делает исключительно сам, настолько это интимно. Просто невыносимо.

Жизнь продолжается, заключив меня в скобки. Я хочу знать, что происходит там, вне скобок. Я не желаю быть многоточием между двумя паршивыми скобками.

От меня больше ничего не зависит, и это сводит меня с ума. С непривычки. Обычно я полностью владею ситуацией. Во всем. И это я спасаю людей, а не наоборот.

А тут – абсолютная беспомощность. Как у страстного влюбленного: вот он остался наедине с женщиной и... ничего не может. Не знаю, страстно ли я влюблен в жизнь, но я остался лицом к лицу с ней, а у меня ничего не действует.

Кроме моей воли к жизни.

Значит, придется цепляться за это, если получится. Потому что на одном пальце я долго не продержусь.

Мастерица Дома Шанель

Я проспала до трех часов дня. После трех ночных дежурств подряд довольно трудно вернуться к дневному ритму. Но сегодня суббота, а каждую субботу я отправляюсь на полдник к бабушке. Лоран не любит, когда я туда езжу, ему это не нравится. Но раз уж сегодня он отбыл поиграть в гольф с друзьями, глупо было бы просто сидеть и его дожидаться. Быстро под душ, и я сажусь за руль, чтобы ехать к бабушке. В «Жаворонки». Ну и название для дома престарелых. Скорей уж силоч для наивных птичек! Вам демонстрируют комфортабельное заведение, со всеми мерами безопасности для проживающих.

С материальной точки зрения, может, так оно и есть.

А вот с человеческой – дело другое.

Стоит зайти в гостиную, и погружаешься в море печали. Спертое дыхание смерти, чье преддверие – старость. Рассовывают стариков по углам, чтобы они смотрели, как проходит время. Если еще могут видеть. А что до тех, кто не слышат, так они тоже не много теряют – от мрачного тиканья высоких стенных часов до нескончаемого звука работающего телевизора, выплевывающего один за другим нелепые американские сериалы на протяжении всего дня. Докатиться до такого, вот уж действительно...

И в подобном окружении Малу, с высоты своих восьмидесяти четырех лет, твердо решила не сдаваться. Когда умер дедушка, она переехала в маленькую квартирку, расположенную над рестораном моих родителей. А позже, когда те перебрались на Лазурный Берег, чтобы спокойно вкушать заслуженный отдых, она предпочла отправиться в «Жаворонки». И речи не могло быть, чтоб она стала в тягость близким. И речи не может быть, чтобы она позволила себе умереть здесь. По крайней мере, не в обозримом будущем. А потому она скачет повсюду, помогает персоналу накрывать на стол, пересмеивается с медсестрами, ведет кружок живописи, поет на Рождество и принимает вновь прибывших. Малу всегда все делала для других. Всегда благожелательна и всегда там, где нужна. Ласковое словечко, небольшая услуга и улыбка в качестве бонуса. И она не собирается останавливаться на столь прекрасном пути.

Когда я была ребенком, меня растила бабушка, пока родители работали. Ресторан съедает практически все время. После ухода на пенсию она только нами и занималась. Огород, чудесные овощи, консервирование, варенья, выпечка, семейные трапезы. С Малу я научилась куче разных вещей. А главное – научилась делать их с любовью. «Ведь, что там ни говори, у овощного супа, приготовленного с любовью, совсем другой вкус, чем у того, который варили, перебирая в голове все дневные заботы», – утверждала она!

Малу ждет меня, сидя на скамейке у входа в здание, на носу у нее солнечные очки, достойные кинозвезды. Те самые, что мы вместе купили в прошлом году, когда она раз за разом твердила мне, что хочет выглядеть помоложе. Невероятный размер дымчатых стекол скрывает часть морщин на лице. Эффект подтяжки гарантирован. С лицом, чуть повернутым к солнцу, она напоминает старлетку на набережной Круазет⁸. Нога на ногу, руки на верхней коленке, спина прямая. Малу очень элегантна. И всегда такой была. Тридцать лет она провела в качестве швей-мастерицы у Шанель в Париже и вернулась в Эльзас вместе с мужем, только когда ушла на пенсию. Но продолжала шить – для себя, для детей, для внуков, и очень следила за собой.

⁸ *Набережная Круазет* – известный бульвар вдоль побережья Канн. Во время Каннского кинофестиваля там прогуливаются стайки старлеток – начинающих молодых актрис, надеющихся попасть на глаза знаменитому кинорежиссеру.

Ее мечта? Сшить мне свадебное платье. Вот только не грех бы мне выйти замуж... Лоран пока не хочет. Говорит, еще слишком рано. В один прекрасный день станет слишком поздно, но как ему это втемашить в голову?

Увидев, как я подъезжаю, она делает мне изящный жест рукой, на манер Мисс Франции. Я невольно смеюсь.

Полчаса спустя мы уже сидим в уголке ее любимой кондитерской. Она заказала зеленый чай с жасмином и «Париж-Брест»⁹. Как обычно. Она ни разу не захотела мне объяснить, почему всегда выбирает «Париж-Брест».

– Он здесь особенно хорош.

Конечно. Хотя она могла бы разнообразить удовольствия. Но говорит, что питает особую нежность к «Париж-Бресту». Пусть так.

Я как раз подношу чашечку кофе к губам, когда она заявляет:

– Мне бы хотелось проконсультироваться у сексолога.

Я чуть не поперхнулась. Мои округлившиеся глаза вынуждают ее опустить свои с легкой, почти виноватой улыбкой.

– Понимаешь, вдруг я кого-нибудь встречу, мне бы хотелось счастья и в этом.

– Ты не была счастлива с бабушкой?

– ...

После стольких лет она наконец решилась мне довериться. Я внутренне собираюсь. Она, наверное, тоже.

– Ну как тебе сказать? Я так и не узнала, что такое фейерверк 14 Июля¹⁰.

– И ты думаешь, что сексолог поможет тебе прочувствовать национальный праздник?

Малу улыбается, глядя на меня.

– Очень надеюсь. В конце концов, это его профессия. Но я не знаю, к кому именно обратиться.

– Сходи к акушерке.

– К акушерке? Знаешь, в моем возрасте я не слишком рискую залететь...

– Они и этим занимаются.

– Чем этим?

– Как научить видеть небо в алмазах.

– Ты такую знаешь?

– Да, есть одна.

Сверяюсь со списком телефонов в мобильнике, записываю номер на страничке, вырванной из записной книжки, и она тут же прячет листок, как девчонка, стащившая конфету. Все шито-крыто.

Моя бабушка восьмидесяти четырех лет пойдет к акушерке, чтобы поговорить о своей сексуальной жизни, потому что желает познать небеса в алмазах, прежде чем ей засияет прощальный свет. Ну что ж, если б мне сказали, что она заговорит со мной об этом после десерта «Париж-Брест», за столиком в кондитерской, в облаке жасминных ароматов, я бы только посмеялась! Кстати, я и сейчас смеюсь. В конце концов, она права. Может, мне следовало бы сходить с ней, а заодно и самой проконсультироваться.

– Не хочешь рассказать мне, почему ты всегда заказываешь «Париж-Брест»?

– Когда-нибудь расскажу, дорогая. Дай мне время, все должно идти своим чередом. А Брест¹¹ далеко от Парижа.

⁹ «Париж-Брест» – один из вкуснейших десертов французской кухни. Создан он был в 1910 г. кондитером Луи Дюраном, который посвятил этот ароматный торт вельгонке «Париж – Брест – Париж».

¹⁰ 14 Июля или День взятия Бастилии – важнейший государственный праздник во Франции.

¹¹ Брест – город на западе Франции.

- Это твой собственный путь в Компостелу?¹²
- В некотором роде.

¹² По легенде, в кафедральном соборе испанского города Сантьяго-де-Компостела захоронены останки апостола Иакова. Поэтому город с эпохи раннего Средневековья является третьей святыней католического мира (после Иерусалима и Рима), центром паломничества и конечным пунктом знаменитого маршрута Путь святого Иакова.

На вольном воздухе

Прошло несколько дней, я думаю.

Это она. Я узнаю ее голос. И ее духи тоже, легкие, с фруктовым ароматом. Мои чувства обостряются, наверно, это добрый знак. Те несколько дней, когда я не ощущал ее присутствия, показались мне долгими. Хотелось бы, чтобы на ее месте была сестренка, но это медсестра. Единственная, кто берет меня за руку с такой нежностью, когда оказывается рядом. Три дня ее не было. Я чувствовал, что готов открыть глаза, только желания не было.

Она проделявает гигиенические процедуры. Ненавижу вот так демонстрировать свои интимные части кому-то, кого я не знаю. Уж лучше б это был мужчина.

Как только она заканчивает, я открываю глаза. Я едва не проделал это во время врачебного обхода. Но я хочу официально прийти в себя именно в ее присутствии. Ни в чьем другом. Она помогла мне выдержать, и вполне логично, что это в ее обществе я хочу всплыть на поверхность.

Врачи только что ушли из палаты. Она вернулась ко мне, что-то записала в медкарте. Я слышу, как ручка шуршит по бумаге. Потом она возвращает медкарту на место, пододвигает стул и усаживается, беря меня за руку.

Усилие невероятное, такое ощущение, что мои веки сделаны из свинца, но мне удается их приподнять. Я медленно тянусь к свету, который вдруг оказывается очень ярким. Болезненным. Как спелеолог, который вылезает на свет божий из земных глубин. Поэтому я оставляю глаза чуть приоткрытыми, вроде щелки между камнями. Ровно настолько, чтобы ее увидеть.

Я Джим из баллады Сушона¹³.

Джимми очнулся в краю идеальном
В светлом раю палаты госпитальной
А медсестра – зеленоглазый ангел.

Глаза у нее синие.

Она мне улыбается.

А я не могу, у меня трубка во рту. Даже глазами не могу. Тогда я улыбаюсь внутренне. Какое облегчение вернуться к реальности. Живым. Во всяком случае, вроде того. Ванесса может на меня положиться. Я здесь. Ну, «здесь» – это для красного словца. Но сердце еще бьется. В остальном потребуется, конечно же, время, чтобы вновь обрести все свои способности, надежно упрятанные под повязками и отеками, под болью и шрамами.

– Привет, Ромео. С возвращением. Вы помните мое имя? Меня зовут Джульетта. Забавно, не правда ли? Не волнуйтесь, вы пока не можете говорить, потому что вы интубированы. Но мы очень скоро вынем трубку. Можете моргать или предпочитаете отвечать пальцем?

– ...

– Ох, извините, это открытый вопрос. Хотите использовать ваш указательный палец, чтобы отвечать мне, да или нет?

(да)

– Вам больно?

(да)

¹³ Ален Сушон (р. 1944) – французский актер, певец, композитор и автор песен.

– Я спрошу у врачей, можно ли увеличить дозу обезболивающего. Вы готовы к тому, чтобы убрать трубку?

(да)

– Вы чего-то боитесь?

(да)

– Что уберут трубку?

(нет)

– Больницы?

(нет)

– Меня?

(нет) (нет) (нет)

Она замолкает на некоторое время. Размышляет. Еще размышляет.

– Будущего?

(да)

– Все будет хорошо, – говорит она, снова беря меня за руку и поглаживая мне щеку тыльной стороной пальцев.

Я чувствую, как слеза скатывается мне в ухо. Терпеть не могу воду в ушах. Попробуйте объяснить указательным пальцем на простыне, что слеза попала в ваши слуховые пути, а вы этого терпеть не можете и будете крайне признательны, если она тем или иным способом решит данную проблему. Ладно. Пусть иллюзорную. Пусть она остается у меня в ухе, эта слеза. Вам может показаться странным, что я заикливаюсь на таких мелочах, когда все остальное мое тело – одна сплошная мука. Что ж, именно капля и переполняет чашу.

Я зависим во всем.

Вдруг я вижу, как она подносит ватный тампон, чтобы протереть мою ушную раковину. Эта женщина – ангел.

Ангел с синими глазами. Исчезает.

Я закрываю глаза. Пусть веки передохнут, эти предатели, которые отвыкли выполнять что положено. Зато легче раскроются, когда она вернется.

У меня вытащат эту трубку из горла. Я смогу наконец говорить и высказать все, что у меня на сердце.

Так хотелось бы, чтобы Ванесса была здесь. Она не приходила уже несколько дней. Даже не знаю почему. Может, она испугалась, увидев меня таким. Или ей просто не хочется. Или с ней что-нибудь случилось.

Я даже не могу присмотреть за ней. Стоило так напрягаться и бегать по всем инстанциям, когда она была маленькой, если я не способен о ней позаботиться.

Два врача появились вместе с Джульеттой.

Мне нравится, что ее зовут Джульеттой. Действительно забавно.

Она готовит инструменты. Надеюсь, это она займется самой процедурой. Так мне будет спокойней.

Она и занялась.

Я внутренне собираюсь. Наверняка это не слишком приятно. Но зато какое чувство освобождения.

Она отсасывает слюну и сдувает баллон. Потом быстро вытягивает трубку и тут же накладывает на лицо маску. Не знаю, что я почувствовал. Смесь боли и облегчения. Такое ощущение, что я обрел себя, добился большей самостоятельности. Я дышу сам. Велика самостоятельность! Дышу-то я сам, но в остальном?..

Врачи меня прослушивают, разглядывают мониторы, проверяют показатели. Похоже, я хорошо переношу новый этап. Не считая неприятного и тревожного ощущения, что трубка по-прежнему на месте. Один из них говорит, что моя потребность в кислороде невелика,

и маска мне будет нужна недолго. Он подписывает последние бумаги в моей медкарте и покидает палату вместе с коллегой. Я пытаюсь говорить под маской.

– Ллгггсссссс...

– Я не поняла, – говорит она, слегка приподнимая пластиковый наконечник, через который поступает кислород.

– Ггггсссссс...

– Вам это пока трудновато. Может, попробуете написать? Если я дам вам блокнот и ручку?

– Хххммммм.

Не знаю, какого результата я надеюсь добиться с ручкой в левой руке, но та рука, которая предназначена для писания, совершенно недееспособна, так что выбора нет.

Она подсунула блокнот мне под руку и вставила ручку между пальцами. У меня уходит немало времени, чтобы написать единственное слово, не видя его – ведь голову я приподнять не могу. Я выпускаю ручку, когда мне кажется, что сообщение закончено.

Джюльетта тут же выхватывает листок и внимательно смотрит, нахмутив брови.

– Малыш?

– Хммм.

– Вы хотите что-то узнать о ребенке? Каком ребенке?

– Хммм.

– У вас есть ребенок?

(нет)

– Это связано с несчастным случаем?

– Хммм.

– Я этим займусь. А теперь отдохните. Вы потратили слишком много сил для того, кто едва вернулся из такой дали, как вы.

Лучше б я сидел дома.

Я пытаюсь запечатлеть ее лицо в самой глубине моего существа. Как удивительно узнавать кого-то, не видя. Голос, запах, жесты, которые заботятся обо мне. Я старался представить себе ее черты, но как тут не промахнуться? А сегодня прекрасный образ расцвел красками. Глаза у нее синие. Скулы розовые. Кожа белая. Рот бледно-бледно-алый. Волосы каштановые.

Звука без картинки мне было недостаточно. Когда мои веки дали наконец глазам время привыкнуть к свету, я не торопясь разглядел ее, выучил наизусть, чтобы она осталась во мне даже после того, как ее смена закончится.

Я не разочарован.

Уже неплохо

- Говорить можешь?
- Немного...
- Черт, ну и напугал же ты нас... Вроде ты выкарабкался, так она говорит, медсестра?
- Не шнаю.
- Ну, ты ж не умрешь, я в этом смысле. Поваляешься, сколько надо, пока не встанешь

на ноги, и все дела.

- Малшик...
- Малшик?
- Малыш...
- Какой малыш?
- Огонь.
- Хочешь знать, выжил ли малыш, который был в квартире?
- Да.

Я автоматически постучал два раза пальцем по матрасу одновременно с тем, как мои голосовые связки выдавливали звуки. Память тела.

– Он тоже выкарабкался. Ему здорово досталось, но живой. Он еще в больнице. Кстати, тоже здесь. Когда ты взлетел в воздух из-за того газового баллона, который взорвался, два других парня смогли войти в квартиру. Весь удар пришелся на тебя. Счастье, что на тебе была дыхательная маска, сжатый воздух спас твои альвеолы. Без маски твоим легким был бы конец, и тебе тоже! Воздушная волна от взрыва частично загасила пожар. Они смогли вытащить пацана. Точно не знаю как – я с тобой был. Мать твою, Ромео, я уж подумал, что потерял одного из своих людей, когда увидел, как ты кувыркаешься в деревьях. Ты нас всех напугал до чертиков.

- Ванеша?
- Ванесса?
- Да.
- Мы ее забрали к себе. Не могла ж она оставаться одна в квартире, сам понимаешь.
- Она нормально?
- Ничего. Злилась, что я ее увез, не спросив, ну и с Соланж у нее напряженка. Ты ж знаешь мою жену. Она слегка сдвинута на своих принципах. Ну и... подросток вроде твоей сестры в доме... Но как-нибудь свыкнемся.

- Шпасибо.
- А сестрички-то миленькие?
- Да.
- Уже неплохо, верно?

Да. Уже неплохо...

Из-за пива

Он вернулся, хлопнув дверью.

Когда вечер начинается так, он редко заканчивается под счастливой звездой. Я приготовила простой ужин, и стол уже был накрыт. Он поцеловал меня, направляясь к холодильнику.

– Как прошел день, дорогая?

– Неплохо. На работе было несколько тяжелых случаев, но это интересно.

– А что, пива нет?

– Нет, у меня не было времени зайти в магазин.

– Ты действительно думаешь только о себе, о своей работе, о своих пациентах.

– Прости. В следующий раз постараюсь не забыть.

– У меня сегодня был сложный день. Я ни на кого не могу положиться, на работе все приходится делать самому, вокруг меня одни бестолочи. И вот, вернувшись домой, я хочу выпить холодного пива, а его нет.

– Хочешь, я сбегая куплю? Лавка внизу открыта до восьми.

– Нет, не нужно, выпью что-нибудь другое.

Вечер завершился быстрыми, торопливыми и грубыми объятьями. У меня было ощущение, что ему просто хотелось разрядиться, а еще что он по-прежнему думал о пиве, которое ему не удалось выпить.

Когда я прошу его быть помягче, он заявляет, что я слишком зажата.

Возможно, он прав. Как знать? Некоторые вещи, которых он от меня требует, мне не нравятся, но он уверяет, что все остальные это делают и делают очень неплохо. Мало говорит, что в жизни никогда не надо делать то, что нам не нравится. Но если я не буду делать, я ему разонравлюсь. Таких девушек, как я, пруд пруди, и он неустанно мне об этом напоминает. Я не хочу, чтобы он меня бросил.

Поэтому я иногда себя заставляю.

Надоело

Моя дикция улучшается день ото дня. Челюсть не была сломана, только гематомы, они постепенно рассасываются, да и призрак трубки в горле в конце концов улетучился.

Ванесса навестила меня. Кажется, ей полегчало оттого, что я жив. И теперь, чем мне лучше, тем быстрее к ней возвращается ее прежний характер. Ее немота, возможно связанная с шоком, который она испытала, когда увидела меня в этом состоянии, а главное – в коме, сменилась привычными пакостными выкрутасами. Эта девчонка, в зависимости от настроения, то слаще розового леденца, то стервознее любой занозы. Золотой середины в ее поведении почти не бывает. Любого, кто к ней не привык, это легко выбьет из колеи, так что могу себе представить, каково с ней Соланж. Я-то знаю, как с ней обращаться. Нельзя поддаваться, ни когда она заноза, ни когда конфетка. Ей нужны ориентиры, правила, строгость. И любовь. Все, чего ей не хватало с такими родителями, как наши. Я стараюсь скомпенсировать, исправить, следуя советам психиатра, к которому нас направили, когда я получил опеку. Это приятная девушка. Молодая, динамичная, увлеченная. В моем вкусе. Но замужем и беременная до зубов. Это мой конек: влюбляться в женщин, которые уже влюблены в другого.

Карин была свободна. Исключение. И она ушла.

Меня как сглазили.

Я заполучил расписание Джульетты. Она сама прикрепила его у кровати. Пришлось отчаянно поторговаться, но в результате она сама отметила свои присутственные дни в маленьком календарике. Это помогает мне продержаться в те смены, где менее приятные медсестры или ужасные санитарки. А бывают и такие. Джульетта всегда держится со мной очень доброжелательно. Она умеет находить нужные слова, те, которые успокаивают и дают силы. Когда с тобой случается нечто подобное, без надежной ветки, за которую можешь уцепиться, тебя начинают затягивать зыбучие пески. Тебя ничто не держит. Всего одна ниточка. Она тоже кажется тонкой, но в любом случае надежней, чем я сам. Это я, кто должен защищать граждан от огня, несчастных случаев, падения в горную пропасть и осиных гнезд, – я цепляюсь за маленькую милую медсестру, чтобы она меня защитила. Мир навыворот.

Надоело.

Мой Ты,

единственный плюс того, что мой брат в таком состоянии – он не сможет меня наказать, когда узнает новость. Конечно, пусть бы лучшие наказал. Хоть целый год без телика, хоть целую неделю без телефона, я бы не возражала.

Злюсь на себя, ему и так плохо, а тут я еще добавлю. А раз он в таком состоянии, то ничего поделать со мной не сможет. Но проблема в том, что и сделать для меня он тоже ничего не сможет. А значит, я в полном дерьме.

Мне тяжело смотреть на него такого. Конечно, мне полегчало, что он живой, но я не знаю, сколько еще он останется в этой больнице и вернемся ли мы потом к той жизни, что была раньше.

Почему на меня все так валится?

Чего я такого натворила в предыдущей жизни, чтобы так дорого платить в этой?

Надеюсь, что следующая будет получше.

Жертва

Вид у него сегодня утром неважный. Может, хандра одолела. Такое случается. Когда они особенно глубоко осознают, что с ними произошло. Или когда спрашивают себя, как они из этого выберутся. В каком состоянии, с какими осложнениями. Он может двигать головой. Слегка приподниматься. Он еще не видел своего тела, но уже очень скоро меня об этом попросит. Я знаю, они все проходят через эту стадию. Я тоже не очень в форме. От лекарств у меня тошнота. Я набрала три кило, плохо сплю, голова готова лопнуть и еще приливы жара.

Веселого мало...

– Здравствуйте, Ромео. Что, утро сегодня не задалось?

– Бывало и лучше.

– А что не так?

– Все. Ничего. Что может быть «так» в моем положении?

– Например, с сестренкой повидаться?

– Моя сестренка никогда надолго не задерживается.

– Ну тогда повидаться со мной?

Я стараюсь разрядить атмосферу.

– Это единственное, что помогает, – говорит он, глядя мне прямо в глаза.

Я отвожу свои.

– Давайте-ка приведем вас в порядок.

Да уж, этим атмосферу не разрядить...

– Я хочу увидеть, на что я похож. Чтобы вы меня приподняли и я мог оценить масштаб разрушений.

Ну вот, приехали...

– Не уверена, что это хорошая мысль.

– А что это изменит?

– Ваше представление о себе.

– А что, полная катастрофа?

– Нет, но вас это может напугать.

– Я и не такого навидался. Куски тел после железнодорожных самоубийств, дорожные столкновения и обширные ожоги...

– Там были другие. Не ваше собственное тело.

– Плевать, покажите мне. Снимите простыню, пожалуйста.

Снимаю. Слежу за его реакцией. Так я и думала. Он в растерянности поднимает на меня глаза. Почему всегда я? Ну, ясное дело: раз я с ними добра, они привязываются и просят быть рядом в самые тяжелые моменты. Вот и получай на свою голову. Ни один пациент никогда ничего не просит у антипатичных коллег.

– А почему оно такое черное??? – паникует он.

– Это гематома в области таза. На вид впечатляет, но ничего слишком серьезного. Все рассосется.

– Я весь черный от пупка до ляжек, а вы говорите, что ничего серьезного? Вы что, издеваетесь?

– Нет, Ромео, я никогда бы себе не позволила. Но я знаю свою работу. Говорю вам, гематома рассосется.

– И все будет нормально функционировать?

– Надеюсь. Сейчас еще рано говорить. Но думаю, что да.

– В любом случае, какая разница, кому я такой буду нужен?

– Не говорите так, вы ничего не можете знать.

- А вы-то знаете?
- Нет. Никто ничего не знает о будущем.
- Я хотел бы посмотреть на свое лицо.
- А вот это совсем плохая идея.
- Пожалуйста.
- Я настаиваю: это плохая идея.
- Беру на себя.
- Как хотите. Схожу за зеркалом.

Пользуюсь случаем предупредить коллег, что некоторое время буду занята с пациентом: я чувствую, придется посидеть рядом и поддержать его за руку. Чтобы он не сломался. Я могла бы не ходить за зеркалом, просто отказаться, чтобы защитить его, но раз он так настаивает, значит ему необходимо знать.

Пусть так.

Все равно это плохая мысль.

На секунду меня берет сомнение, я знаю, что это зрелище подействует на него как пощечина. И чертовски хлесткая пощечина. Я бы даже сказала, удар кулаком. Его это просто размажет. Он смотрит на меня с решимостью в глазах. Тогда я приподнимаю зеркало, беря его за руку. Он вглядывается в себя несколько секунд, потом сжимает мои пальцы, прежде чем вновь взглянуть на меня и выдавить гримасу, чтобы проглотить всхлип. Его подбородок дрожит все сильнее, лицо все больше кривится. Ему не удастся сдержать слезы.

– Поплачьте, Ромео, имеете право.

– О каком Ромео вы говорите? В зеркале я вижу только монстра. Понимаю, почему сестра не приходит каждый день. Ее наверно выворачивает, когда она отсюда выходит. А? Ее тошнит?

– Ну что? Закончили? Ваша сестра смотрит вам в глаза. Я сказала ей, что все пройдет. Что это только вопрос времени, а человеческое тело обладает фантастической способностью к восстановлению.

– Я вам не верю.

– Спорим?

– На что?

– За вами обед, если окажется, что я права.

– Вы не многим рискуете.

– В отличие от вас! Однажды вам придется признать, что я была права. И вот это, предупреждаю, вам будет трудновато проглотить. Труднее, чем трубку для интубации!

– Хотел бы я иметь такую возможность.

– Она вам представится.

– Почему я такой?

– Падение, многочисленные ушибы, ветви, приземление. Вы не должны были выжить. Думайте об этом как о везении.

– Не уверен, что это так. Разве это везение – оказаться в таком состоянии?

– Везение остаться в живых, разве нет?

– Нет, не всегда. Чтобы я больше не мог заниматься своей работой и даже, может быть, заботиться о сестре? Остаться одному до конца дней, с необратимыми последствиями...

Вот теперь он меня достал. Не таким способом ему удастся выкарабкаться. Жаловаться бесполезно. Некоторым пациентам необходима хорошая встряска. И я готовлюсь тряхти шейкером.

– Дать вам еще время или вы уже кончили стенать?..

– ...

– Хватит изображать из себя жертву. Да, вы ею были, жертвой ужасного несчастного случая, но если вы будете цепляться за этот статус, то вам не избавиться от комплекса. Кто будет вас жалеть? Да никто. Потому что это ни к чему не ведет. Все любят людей позитивных и веселых, потому что они делятся с окружающими позитивным настроением и весельем. А от тех, кто постоянно жалуется, ничего хорошего не жди. Ничего плохого они тоже не делают, но и ничего хорошего. Произошел с вами несчастный случай, ничего не напишешь, свершившийся факт. И если я правильно поняла, малыш спасен, и тоже отчасти благодаря вам. Значит, сегодня вам выбирать, будете ли вы бороться и карабкаться обратно наверх, научитесь ли снова маленьким радостям жизни, приняв все остальное, пусть оно вас даже не устраивает – но оно тоже часть жизни. В любом случае, у вас что, есть выбор? Нет! Ах нет, извините, вы можете все послать куда подальше. Так-то оно так, но есть Ванесса. Значит, выбора нет. Тогда чего хныкать? У вас под рукой все необходимое, чтобы идти вперед, так идите, идите! И получится у вас куда лучше, если настрой будет позитивным. Когда я заступаю на дежурство, мне хочется, чтобы вы мне улыбнулись, рассказали, каких успехов вам удалось добиться и каких вы надеетесь достичь завтра, а еще о нескольких, скажем трех, хороших моментах минувшего дня – ведь они же были – и что пока вам этого достаточно. Через несколько дней вас переведут в травматологию. Это означает, что вам удалось выпутаться. Неплохая новость, – как вам кажется? Так получилось, что через неделю я перехожу в то отделение, где вы будете, сейчас я только подменяю коллегу. Не знаю, хорошая это новость или плохая. Все зависит от вас и от того, в каком свете вам будет видеться ситуация. Можете выбирать: или отравлять мне рабочие часы своей жадной смертью, или сделать их куда более радостными, проникнувшись желанием жить и жить заново. *Up to you!*¹⁴ А теперь коллеги ждут меня сдавать смену. Доброй ночи. До скорого. У меня два дня выходных. Так что у вас будет время подумать.

¹⁴ На ваше усмотрение (англ.).

Размеренная жизнь

Она оставила меня, бросив на прощание негодующий взгляд. Кажется, я вывел ее из себя. Не знаю, ведет ли она себя так с другими пациентами, но я б им всем посоветовал придерживаться строго оптимистических взглядов на жизнь. Какое-то время я так и лежал, слегка обалдевший. По-моему, она обошлась со мной слишком жестко. А что еще мне делать, в моем-то положении, кроме как жаловаться? У меня ничего не осталось. Подруга ушла, сам я разбит вдребезги, сестра перебивается у шефа, а я даже не знаю, по-прежнему ли он мой шеф, – и я должен скакать до потолка от счастья, что мне дано познать неизмеримую радость жизни? Вот она наверняка ведет вполне размеренное существование, спокойное, без особых рисков, с чудесным мужем, воспитанными детьми, ухоженным домом и семейными праздниками в кругу родных.

Так по какому праву она смеет указывать мне, что я должен делать, что думать и что чувствовать? Она не на моем месте. Никто не на моем месте. Даже я сам не на своем месте.

И при всем этом я должен веселиться?

Хорошая шутка.

В кондитерской

Свидание с Малу. Лоран отбыл на конгресс.

Когда он в отлучке, это всегда тяжело, потому что он шлет мне бесконечные эсэмэски о том, как ему меня недостает и что я должна была поехать с ним. Но я знаю, чем это всегда оборачивается. Пока Лоран на заседании, я убиваю время, а вечером ужин, и я должна хорошо выглядеть в глазах его банковского начальства.

Нет уж, это не для меня.

Однако он упрекает меня в том, что я одна из очень немногих супругов, кто не приезжает, выставляя его покинутым мужчиной, чья подруга о нем не заботится. Но я устаю на работе. И в свободные дни должна отдыхать – я не могу позволить себе подобные выходные. Он мне уже предлагал бросить работу. Его зарплаты за глаза хватит на вполне комфортабельную жизнь, но я люблю свое дело. Выпечку Гийома тоже. И потом, мне будет скучно сидеть дома.

Малу назначила мне встречу в кондитерской. Она приходит нарядная, как всегда.

– Как дела? – спрашивает она, улыбаясь.

– Идут.

– Ага. Этим все сказано, – констатирует она, уже не улыбаясь.

Я ей рассказываю обо всех своих теперешних переживаниях. Лечение, которое трудно выдержать, Лоран, который не склонен разделять со мной эти трудности. Как будто я все делаю нарочно.

Вот уже три года мы пытаемся завести ребенка. Год, как мы доискиваемся, почему у нас не получается. Он в штыки воспринял идею пойти обследоваться. С его точки зрения, виновата я.

Это моя вина. И он не устает мне об этом напоминать, когда я укоряю его, что он не прилагает достаточно усилий.

Моя вина прежде всего в том, что я так хочу ребенка. Да, верно. Если я сейчас опущу руки, у нас никогда уже не получится. Наверно, не лучшая была мысль начать лечение именно теперь, когда у меня такое напряженное расписание, но выбора у меня нет. Если я слишком сдвину сроки, наступит возрастной предел.

Во времена Малу ничего подобного не существовало. Во времена Малу проблема была скорее в обратном. Заиметь ребенка, когда его не хочешь.

А еще я рассказываю ей о пациенте, который меня волнует. Пациенте, который меня тревожит. Потому что мне хотелось бы, чтоб с ним все было в порядке, ведь он вернулся из такого далекого далека. Выбитый из седла в возрасте, когда открыты все возможности. Конь, опрокинувшийся на скаку. Говорю себе, что, возможно, переборщила, когда хотела его встряхнуть. Но если жалеть их, то дело не сдвинется.

– У пожарного, упавшего с восьмого этажа, есть основания беспокоиться о своем будущем. Ты хоть мягко с ним обошлась? – спрашивает Малу.

– Нет, не думаю.

– Поправимо... улыбнешься ему, и порядок, так всегда.

– Правда?

– Если улыбка искренняя, то да.

– Я тебе говорила, что его зовут Ромео?

Видеть, как она уходит

Я не слышал, как она пришла. Дремал, чтобы отвлечься от боли. Анальгетики не всегда помогают. Хотя мне кажется, что в конце концов я привык. Как шум поезда для тех, кто живет рядом с железнодорожными путями. Только когда они усталые или тоска одолевает – вот тогда они снова слышат, как проносятся поезда.

А еще мне до смерти скучно. Сон позволяет убить время. Я как собака, которая весь день посапывает в своей корзине, поджидая хозяина.

Не знаю, кого я жду. И больше не виляю хвостом.

На Ванессу и надежды уже не было. И вот она здесь. И даже мне улыбается. Какая честь. Или ей что-то от меня нужно, или в ней все же есть хоть капля сочувствия ко мне.

– Привет, сестренка.

– Привет.

– Как дела?

– Это я у тебя должна спросить.

– У меня нормально. Я в полной форме, – отвечаю с иронией. – Но ты пришла меня навестить, и мне уже лучше. Как тебе живется у моего шефа?

– По-разному. От Соланж обалдеть можно. Куда ни сунься, все нельзя. И хоть войлочные тапки надевай, как в музее, чтобы по ее паркету драгоценному пройти, пока я до своей комнаты добираюсь. Правда войлочные, я никогда такого не видела. Она просто маньячка. Достала уже.

– Будь помягче, Ванесса. Они не дали отправить тебя в приют, или там тебе бы больше понравилось?

– Нет.

– Вот и ладно.

– Но ей что, больше по жизни заняться нечем, кроме как свой паркет надраивать?

– Может, и нечем.

– Прикончи меня раньше, чем я стану такой.

– Ты никогда не станешь маньячкой уборки. Чтоб до такого дойти, раньше нужно было начинать...

– Ха!

– А в остальном?

– Что в остальном?

– Что нового?

– Я получила 10¹⁵ по математике. Неплохо, а?

– Неплохо. Но ты можешь и лучше.

– Всегда можно и лучше. У меня средний балл, этого ж достаточно, верно?

– Не довольствуйся тем, что ты средняя.

– А еще я была у дедули.

– Сказала ему обо мне?

– Нет!!! С ума сошел, не хочу, чтоб он концы отдал прямо у меня под носом.

– Надо было.

– Чтоб он перекинулся?

– Сказать ему!!! А то он начнет спрашивать, почему я к нему не прихожу. Можешь ему объяснить. Подробности ему знать необязательно. В любом случае, навестить меня он не сможет. Придумай что угодно.

¹⁵ Во французских школах двадцатибалльная система оценок.

- О'кей. В следующий раз скажу.
- Как он?
- Как старик в доме престарелых.
- Ему что-нибудь нужно?
- Пакет табака «Амстердамер» и курительную бумагу.
- Сможешь сама купить?
- Не имею права. Знаешь ведь, в табачной лавке продают только тебе.
- Сфотографируй меня и скажи продавцу, что я вряд ли сумею зайти в ближайшее время. Или попроси моего шефа. А как у тебя с деньгами?
- Пусто. Ты же должен был зайти за получкой после смены.
- Попроси шефа зайти, нам нужно подписать бумаги.
- Какие бумаги?
- Доверенность. Я прикован к кровати, нужно, чтоб кто-то организовал нашу жизнь.
- А сколько еще ты думаешь оставаться здесь?
- Ванесса, я здесь пробуду еще недели, а может, месяцы.
- Месяцы? Не буду я еще месяцы в тапках по ее паркету нарезать!!!
- У тебя есть другие предложения?
- Я могу и сама пожить в нашей квартире.
- Исключено.
- Почему?
- Потому что тебе еще рано.
- Тебя послушать, мне все всегда рано. А мне уже четырнадцать, не забудь.
- Четырнадцать – не тот возраст, когда можно жить одной. Ты останешься у Кристиана и Соланж, в тапках или без, или отправишься в приют.
- Ты меня достал.
- Знаю, но это так.

А потом она ушла, не сказав ни слова.

Мне было больно. Главным образом оттого, что я не мог встать и поймать ее в коридоре. Взять ее за плечо, чтобы удержать, и прижать к себе, чтобы сдержать. Когда она становится злою, ее несет и она не может себя контролировать. Только крепко обняв ее и повторяя всякие ласковые слова, мне удастся тихонько усмирить ее. Да и то иногда на это уходит немало времени.

Не знаю, куда она отправилась. Она может что угодно вытворить, а я и знать не узнаю, а главное, ничем не могу ей помешать. Я осознаю, что она становится независимой, и мне бы следовало отпустить вожжи – но не настолько, насколько ей бы хотелось, и не сейчас, не в этот тяжелый для нее период.

Видеть, как она уходит – вот так, оставляя меня прикованным к кровати – на меня это подействовало, как удар под дых. А тут зашла санитарка, чтобы поменять пластиковый пакет с мочой. И сразу начала пилить меня: пакет был переполнен, я должен был позвонить раньше. Я давно уже мечтал высказать ей все, что думаю, этой Рокки при исполнении, с тупым взглядом и обходительностью лесоруба. Я заорал, чтобы она от меня отцепилась, – так громко, что примчалась дневная медсестра. Меня сейчас переведут в другое отделение. Тем лучше, больше я ее не увижу. Монстры есть повсюду, но когда тебе совсем невмоготу, лучше с ними не встречаться, особенно вынужденно.

Мой дорогой Ты,

я сыта по горло. Никто в меня не верит. Все думают, что я лузер. От меня всегда чего-то хотят. Хорошо учиться и идти туда, куда велят, надевать тапочки и сидеть прямо, когда я за столом. Мне нельзя устроиться с подносом у телевизора и спокойно посмотреть

«Анатомию страсти». Ну, тут им не обломится, они все же не мои родители. Ладно, мило с их стороны, что они меня приняли и не дали отправить в приют, но отчитываться перед ними я не обязана. Перед братом – да, на то ему и дали опеку. Но теперь все пошло кувырком. Месяцы??!! Как я продержусь целые месяцы??? А сейчас у меня еще одна проблема, и ее надо решать. Одну-две недели я могу потянуть, но придется с ним об этом поговорить. Подожду, пока ему станет хоть немного лучше.

Иногда мне хочется быть уже взрослой. Или вообще больше не быть. Пока не решила.

Пустая!

Вот уже четыре часа я жду Лорана.

Уже полдень, а я все еще жду. Он обещал, что будет. Заверил, что сумеет освободиться. Я раз двадцать звонила ему на мобильник и все время попадала на автоответчик.

Он не пришел на процедуру сдачи спермы. Акушерка очень за меня переживает, смотрит со смущенной улыбкой, как будто извиняется за сложившуюся ситуацию. Обещает, что постарается как можно быстрее включить меня в новый цикл, но гарантировать ничего не может. Иногда приходится ждать шесть месяцев. Все, что я делала, – впустую. Усталость, уколы, гормоны, побочные эффекты. Все зря.

Подходя к его банку, я делаю глубокий вдох. Его машина припаркована во дворе. Значит, он здесь. Решительным шагом направляюсь к его кабинету, не обращая внимания на протесты сотрудницы, которая пытается помешать мне войти, и вижу зрелище, которого и ожидала. Я работала всю ночь. Прямо из больницы я отправилась в лабораторию, чтобы вручить наше будущее в руки лучших специалистов, а месье проводит совещание с несколькими коллегами.

– Почему ты не пришел?

– Джульетта, у меня совещание, ты не можешь вот так отвлекать меня!

– Мне плевать на твоё совещание, ты обещал, что придешь.

– Что я приду куда?

– В Центр по оплодотворению!

– Так это было сегодня?

– Да, сегодня. И из-за тебя следующий раз может быть только через полгода. Как ты мог забыть? Иногда я задаюсь вопросом, действительно ли ты его хочешь, этого ребенка.

Я даже не смотрю на его сотрудников, но чувствую, что они меня разглядывают. Лоран обменивается с ними улыбками, словно насмехаясь надо мной.

– Нам нужно было обсудить важные дела.

– А я не важна, да? И ребенок тоже не важен?

– В жизни существуют приоритеты. А сейчас ты повернешься и закроешь за собой дверь, чтобы не отвлекать нас. Здесь тебе делать нечего. Должен повторить, что это из-за тебя мы вынуждены все это проделывать. И я просил, чтоб ты мне напомнила.

– Я звонила раз двадцать тебе на мобильник, но он отключен, и как, по-твоему, я могла бы дозвониться?

– Я всегда его отключаю, когда у меня совещание.

– А у тебя не должно было быть совещания.

Он поднимается со стула, хлопнув ладонью по столу, – что заставляет подскочить единственную присутствующую женщину, сидящую рядом с ним, – подходит ко мне и крепко хватает за руку, выталкивая в соседнее помещение.

– Извините, я сейчас вернусь. Она бывает немного нервозна, но вообще-то милая. Наверняка эти ее лекарства в голову ударили.

Я бросаю взгляд на его коллегу-женщину, которая кажется смущенной разыгравшейся сценой, но не осмеливается реагировать в окружении одних мужчин, те же обмениваются дурацкими одобрительными ухмылками. Я чувствую себя униженной в своем горе. Двойном горе.

– Начнем все сначала, ничего страшного, – тихонько говорит он мне.

– Да, через шесть месяцев, когда другие пары, которые отнеслись к этому более серьезно, которые не пропускали назначенных процедур, уже добились успеха. А я пока

старею, теряю шансы, смотрю на огромные животы на улице и чувствую себя пустой. ПУСТОЙ!!!

– Это еще не причина, чтобы думать, будто тебе все позволено, и врыватья вот так ко мне в кабинет. А если тебе что-то не нравится, то я просто на все плюну. Так что прекрати хныкать и возвращайся домой. Поговорим обо всем вечером. И не забудь зайти в магазин, холодильник тоже пустой!

Он выталкивает меня в другую дверь, и я слышу, как он бросает замечание, вроде бы про себя, что с женщинами вообще трудно ладить, со всеми их гормонами и эмоциями, на что собравшиеся отвечают смешками. Сотрудница тоже наверняка усмехается и делает вид, что оценила шутку, иначе сама рискует попасть в число женщин, набитых гормонами и эмоциями: надо быть сильным в этом мире акул, которым плевать на то, что чувствуют другие.

Мне хочется сменить обстановку. Я еду повидать Малу. Вот она-то сумеет окружить меня и нежностью, и участием.

Ломка

Ее не было уже три дня.

Мне ее не хватает. Не знаю, ни где она, ни что делает. Не знаю, жива ли она еще, встает ли по утрам и ложится ли спать вечером. Я ничего не знаю, и мне ее не хватает. Зато я знаю ее: она способна замкнуться в своей пещере горечи и злости, а потом проснуться как ни в чем не бывало, будто все в полном порядке.

Мне ее не хватает.

Сестренка – смысл моей жизни, мое горячее, мой постоянно действующий стимул. Это неправильно. Правильнее было бы, если б смыслом моей жизни был я сам. Но так уж вышло. С Ванессой я знаю, зачем существую. Но не в данный момент. На сегодняшний день я ничего не могу ей дать, кроме лишних забот.

Иногда она меня тревожит. Говорит, что никто ее не любит, что лучше бы ей умереть или, еще лучше, никогда не родиться. Напрасно я твержу ей, что люблю ее, она возражает, что между братом и сестрой это не считается.

А для меня считается, и очень даже. Даже больше, чем все остальное. И я продолжаю ей говорить, должна же она когда-нибудь услышать.

Через некоторое время я наверняка смогу пользоваться мобильником. А пока я по-прежнему почти неподвижен. Каждое новое крошечное движение, которое мне удалось, – победа. Именно так я это воспринимаю с того дня, как Джульетта вправила мне мозги, заявив, что я слишком негативно настроен.

Принято к сведению.

Но иногда нестерпимо сознавать, на какую ничтожную малость я пока способен. Только думать и чувствовать – всего остального я лишен. Поэтому я думаю и чувствую с утроенной силой, чтобы уравновесить.

Мне ее не хватает.

Мне не хватает их обеих.

Малу и людские напасти

Зайдя в столовую, Малу тут же замечает медсестру, склонившуюся над пожилым мужчиной, сидящим немного в стороне. Она держит его за руку. Он, кажется, плачет, но делает все, чтобы это скрыть: гримасничает, неловко утирает глаза обшлагом рукава.

Малу и людские напасти. И постоянная потребность попытаться утешить. Поэтому она тихонько приближается, попутно захватив какой-то журнал, и устраивается как можно ближе к пожилому мужчине. Не подавая вида. Но сгорая от желания все разузнать.

– Что у вас случилось? – спрашивает медсестра.

– Получил плохое известие.

– Расскажите.

– Это мой правнук. Он пожарный. Упал с восьмого этажа.

– Он выжил?

– Да, но вроде бы в ужасном состоянии. Его жизнь вне опасности, но что с ним дальше будет?

– Он выздоровеет. Главное – верить. Ведь он мог погибнуть.

Медсестру прервала коллега, которой срочно потребовалась ее помощь. Тепло протянутой руки не длится долго, когда персонала катастрофически не хватает.

Но за чем дело стало, у Малу тоже теплые руки. Она небрежно откладывает журнал, который в любом случае и не думала читать, и ждет, пока медсестра выйдет из помещения, чтобы придвинуть свой стул поближе к старику.

– Я случайно услышала обрывок вашего разговора. И увидела, как вам грустно. Мне очень жаль, что такое случилось с вашим мальчиком. Скажите, а его не Ромео зовут?

Free hug

Когда я пришла на дежурство после двух дней отдыха, меня ждали две приятные неожиданности. Во-первых, я дежурю вместе с Гийомом, которого срочно вызвали подменить заболевшего коллегу, и хотя его предупредили только в шесть вечера, он все равно умудрился принести выпечку. В свободное время он не вылезает из кухни, даже в выходные. А может, особенно в выходные.

Второй приятной неожиданностью оказалось то, что, когда я зашла поздороваться с Ромео, он улыбался. Наверно, подумал, прикинул, понял и продвинулся вперед. Завтра он нас покидает. Несколько дней мы не увидимся, а потом я встречу с ним уже в травматологии – остается надеяться, что у него не случится какого-нибудь осложнения, из-за которого его отправят в другое отделение. В конце концов, я к нему привязалась.

– Это нехорошо, ты же знаешь!

– Да знаю я, Гийом. Но как ты умудряешься действовать наперекор тому, что чувствуешь?

– Я не чувствую, так что не с чем бороться.

– Я тебе не верю.

– А я стараюсь не поддаваться.

– Расскажи мне, как.

– Такое не объяснить. Но я не люблю привязываться. Когда привяжешься, потом приходится отрывать от себя, а это иногда больно.

– Но можно ведь и привязаться к кому-то, и потом не мучиться от расставания.

– Думаешь?

– Не знаю.

– Пока ты не влюбляешься в своих пациентов, ладно уж, привязывайся, пускай. Но я на страже, имей в виду.

– Привязаться и влюбиться – разные вещи.

– Грань иногда очень тонкая.

– Не для меня.

– Хочешь миндальное печенье?

– Смотри, например, я очень привязана к тебе, но при этом совсем не влюблена.

– А жаль, – заметил он, улыбаясь.

– Перестань.

– С какой стати. Я очень люблю, когда ты краснеешь.

– Я не краснею.

– До ушей. Хочешь зеркало? Это ты не ко мне привязана, а к моим кулинарным творениям.

– Ты заставляешь меня краснеть и толстеть – и горд собой?

– Желаю тебе потолстеть по другой причине, моя дорогая.

Мы устроились в комнате для персонала, и кофе полился рекой. Приятные минуты. Дежурство и на этот раз спокойное. Я смотрю в никуда. Гийом заполняет бумаги. Мои глаза останавливаются на нем. Он сосредоточен, брови нахмурены, на лбу пара морщин. У него тик. Его челюсть непрерывно подергивается. За внешним спокойствием этот человек скрывает постоянное напряжение. Не знаю, что у него там, за фасадом. Говорит он очень мало. Иногда мне хочется быть такой же, как он. Не испытывать потребности исповедаться перед кем-то и в то же время не страдать от того, что все держишь в себе. Но кто сказал, что он не страдает? Кто сказал, что молчаливые люди не страдают? Что они не замыкаются в своем

молчании, чтобы соответствовать навязанному им обществом образу? Плакать нельзя, смеяться – едва-едва, любить или привязываться запрещено, гнев должен быть сдержанным, а радость всегда подозрительна, о нежности и говорить нечего. Глядя на него, я вспоминаю о паре намеков, которые он недавно себе позволил. Казалось, он имел в виду: жаль, что я не хочу отдать свою любовь другому человеку, а разница в возрасте ничего не значит. В итоге я задаюсь вопросом, что он, собственно, имел в виду.

Почему он так сдержан? Вообще-то я не кусаюсь.

На мой взгляд, бумага ему еще на некоторое время хватит. Иду повидать Ромео.

– Вы не спите? – спрашиваю я.

– Нет. И вы тоже?

– На дежурстве редко удается поспать.

– А кажется, все спокойно.

– Это может перемениться в любую секунду. Представьте себе, что у вас остановка сердца, а я сплю?

– Нет, что-то мне не хочется такого представлять.

– Да я просто к примеру. Вы хорошо себя чувствуете?

– Нормально. Вот со сном не очень. Достало, что не могу повернуться. А я всегда спал на боку. Согнув ноги.

– В позе зародыша?

– Именно. А еще, что не могу вдохнуть свежий воздух, увидеть солнце, бегущие тучи, летающих птиц, почувствовать кожей ветер. Даже дождь, ливень, под которым вымокнешь за несколько секунд. Вот чего мне не хватает.

– Вы скоро снова все это почувствуете. Совсем скоро.

Я улыбаюсь и беру его за руку. Сейчас это единственное, чем я могу его утешить. Он знает не хуже моего, что нужно время и в больнице он останется надолго, не говоря уже о последующей реабилитации. На большую лестницу он полезет еще очень нескоро. Если когда-нибудь полезет.

– И потом, меня уже так давно никто не брал за руку. Меня не осмеливаются трогать, и подходят-то с опаской. Мой вид поистине страшен, у меня такое ощущение, что люди боятся травмировать меня еще больше.

– Хотите немного ласки?

– Ласки?

– *Free hug*, по-английски. Чтобы я вас обняла?

– Это входит в ваши профессиональные обязанности?

– Это входит в мою персональную компетенцию.

– А вы имеете право?

– Лучше бы мой коллега нас не видел, иначе он будет читать мне нотации до самого утра, но вам это может пойти на пользу...

– Мне бы очень хотелось...

Я стараюсь, как могу, обнять его. Приподнимать его сильно нельзя, но мне удастся подsunуть руку под его плечи. Я мягко прижимаю его к себе, не говоря ни слова. *Hug* в тишине, нарушаемой только ритмом биения сердца, который слышен из монитора и предательски ускоряется. Мы так и остаемся добрых минут пять. Мгновениями я чувствую, как он вздрагивает. Он плачет. Имеет право.

Потом я отстраняюсь и смотрю на него.

– Думаю, что на самом деле это должно быть частью профессиональных обязанностей медсестры как крайне эффективное средство, – говорит он.

– Я не с каждым так обращаюсь.

– Значит, мне повезло.

– Мне тоже. Вы прикованы к больничной койке, весь переломанный после серьезного несчастного случая, и при этом говорите, что вам повезло. По мне, так это маленькая победа.

– Только когда вы здесь.

Я ограничилась улыбкой и ушла, думая о том, что мне сказал Гийом. Не надо слишком привязываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.